
Елена Семенова

Карнавальный потенциал личности в норме и патологии

Если Вы убьете всех моих демонов, то все мои ангелы тоже, возможно, умрут.

Т. Уильямс

В последние десятилетия значительно возросла женская клиническая «булимическая симптоматика», характерная неутолимим голодом, патологическим влечением к пище и искусственным вызыванием рвоты. В массовой и элитарной культуре транслируются и культивируются антикарнавальные образы женского тела. Образ современного женского тела – это тело без органов. В распространенных сегодня интернет-сообществах анорексиков создается новая, почти обожаемая идентичность. На сегодняшний день одним из визуальных образов анорексии является бабочка.

Можно обратить внимание на то, что анорексия и булимия, как и феномен смещенного, вытесненного на периферию сознания карнавального высказывания, практически не изучены. Также, как мы считаем, близок к булимии и анорексии феномен женского кликушества, который, однако можно рассматривать с точки зрения театрально-компенсаторных подходов к искусству, со стороны

перформативного потенциала, речевых актов, описанных Д. Остиным, предложившим понятие «перформатив», который изначально в его интерпретации означал речевое высказывание, суждение, являющееся действием.

Можно увидеть, что речевая перформативность исторических припадков кликуш являлась спасительной, почти береговой формой маскировки. Ее можно сравнить с парресией в трактовке М. Фуко. Парресия – это персональная коммуникация «один на один», которая, будучи исповедью, трансформировалась в публичную самокритику. В Греции высказывание истины другим переходило постепенно к высказыванию истины о самом себе. Главным в парресии выступает самовопрошание.

В исследованиях по истерии многие образы и символы, которые были когда-то неотъемлемыми атрибутами европейского карнавала, со временем превратились в болезненные симптомы, травмирующие личность. Пациенты с диагнозом «анорексия» испытывают отвращение и панический ужас перед образами еды, питья, обжорства и пр. Все это свидетельствует о сложной взаимосвязи между пародийными праздничными формами и феноменом современной женской анорексии. Существует ярко выраженный гедонистический потенциал анорексии. Больные с данным диагнозом начинают получать удовольствие от самоограничения, становясь одержимыми собственной идеей болезни и стремлением быть кем-то другим. Именно об этом предупреждал Бахтин, когда писал об эстетической катастрофе, которая постигнет автора, если он полностью сольется со своим героем, утратив по отношению к нему необходимую дистанцию. При анорексии происходит амнезия собственного я. Облик больного меняется до неузнаваемости. Такой внутренний протест, чреватый летальным исходом, может длиться годами и даже десятилетиями. Многие священнослужители относятся к анорексии как к одержимости, не допуская, что данная болезнь в определенных случаях имеет отношение к искусству, или к предхудожественной стадии, проявляясь в гротескной телесной образности.

В данном заболевании присутствуют две стадии: переполнение и очищение. В частности, первую стадию мы можем наблюдать в перформансе Марины Абрамович, которая на глазах у зрителя съедает трехлитровую банку меда. Момент пира и очищения у кликуш и у анорексиков – ключевой экстатический момент.

Наше исследование относится к числу работ, опирающихся, с одной стороны, на рефлексию в форме мемуаристики, написанной либо выздоравливающими, либо выздоровевшими, а также на научные исследования о генетической предрасположенности к данному заболеванию, и на работы о карнавальной культуре и художественной одаренности. Наше исследование по ряду аспектов близко к сравнительному исследованию нервной анорексии Лоран Виллемс «Что является нормой, что является здоровьем?», в котором через призму автобиографического рассказа о болезни автор приближается к пониманию того, что предшествует анорексии. Особенность нашего подхода состоит в том, что в нем делается попытка проследить, как в процессе автобиографического описания протекания болезни типичные модели анорексии или интернализуются, становясь внутренними личностными, концептуальными регуляторами, или разрушаются, превращаясь в более сложные личностные новообразования, не поддающиеся лечению и интерпретации с позиции медикаментозного подхода, преобразовываясь в художественные орудия. По сути, область нашего интереса пролегает в патографии. Важность данной работы также в том, что многие истории выздоровления опровергают общепринятый медицинский дискурс об анорексии, дефекте, норме и патологии.

Важным представляется подход к данному феномену через диалогическое повествование, романное слово, а также взаимоотношения автора и героя, сформулированные М.М. Бахтиным.

Обратим внимание, что сами рассказы об анорексии являются довольно сложным жанром, в котором примешивается большой процент вымысла, фантастики, идеализации себя как героя своей мечты, романизации. Ценность же для нас представляют не только те мемуары, в которых подробно и точно излагается весь путь к выздоровлению, но сам путь писательниц, который является духовно, интеллектуально и творчески насыщенным.

Далее обратимся к сравнительному анализу vomитомании и нервной булимии, в которых, в одном случае, карнавальный потенциал не находит выхода, превращаясь в патологическую аномалию, в другом случае, «переболев», находит верное русло и устремляется к своей реализации. В первом случае карнавальная энергия реализуется в уродливой форме под влиянием шизофрении, во втором случае она становится результатом мощного творческого

выплеска, сопряженного с временным стиранием границ между реальностью и образом, и является важным этапом самопознания. Мы считаем, что если у человека диагноз «шизофрения», то карнавальный выплеск невозможен, однако не исключена возможность перформативного, театрального проявления. Особенный интерес представляет феномен гебефрении, смешанной с неотенией, булимией и анорексией, которой свойственны дурашливость, расторможенность, передразнивание, а также нарушения влечений (сексуального, пищевого и т.д.).

Итак, подведем некоторый итог в наших размышлениях. Карнавальная культура не тождественна карнавальному потенциалу, который может не находить возможности для своей реализации, перерастая в «злокачественный» потенциал. В связи с этим представляется важным осмыслить понятие «карнавальный потенциал» личности в норме и в патологии, рассмотрев его на примере таких заболеваний, как vomитомания, булимия, анорексия и гебефрения, взглянув на них не только как на аддикцию и заболевание, но и как на новый виток эволюции, на котором становится востребован карнавальный потенциал не в норме, а в патологии.